

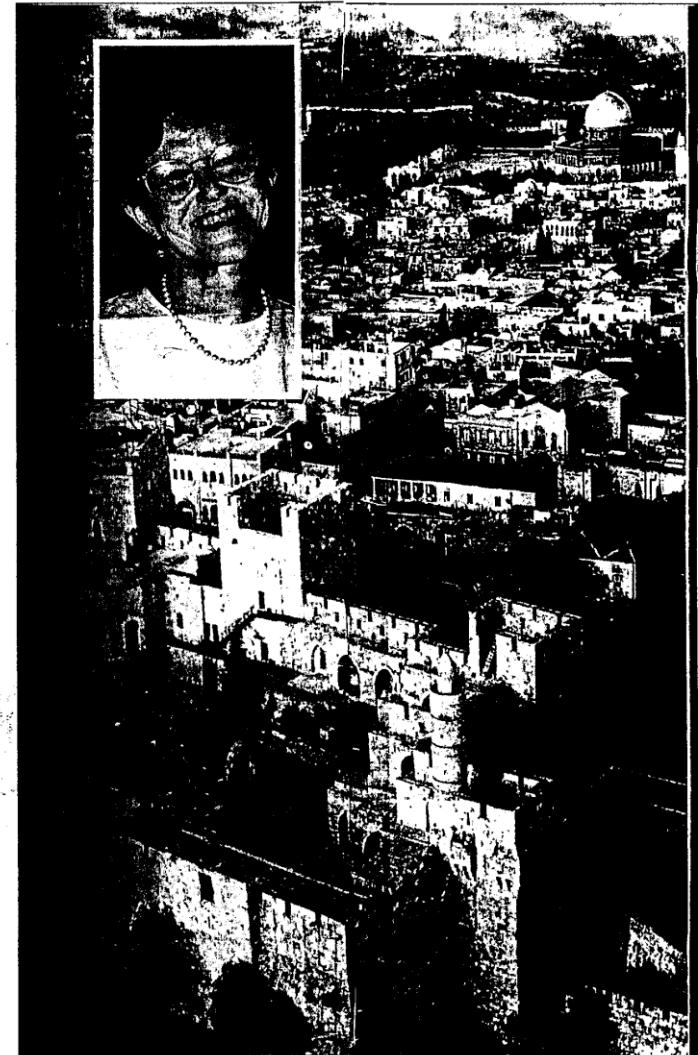
ЕВРЕЙСКИЙ КАМЕРТОН

25.11.99 5760 16 ספטמבר

А было разведчику тринацать лет	6
Когда закончат с евреями, возьмутся за негров	17
Всеобъемлющий запрет тоталитарной власти	25

В Иерусалимском общинном доме состоялась презентация "Антологии ивритской литературы". Огромная значимость и уникальность этой книги состоит в том, что она является первым и очень серьезным собранием переведенных на русский язык произведений шестидесяти израильских прозаиков и поэтов, многие из которых вообще не были известны российским евреям, а также в том, что она издана в содружестве с Российским государственным гуманитарным университетом. Одним из составителей антологии стала израильская поэтесса и исследователь-литературовед Хамуталь Бар-Йосеф. Она же написала в качестве введения к антологии пространную и содержательную обзорную статью по ивритской литературе за последние двести лет. Поэтому естественным было мое желание познакомиться и с нею самой, и с той грандиозной работой, в которой ее роль была ведущей.

стр.18

ИУДАЙКА В РОССИЙСКОМ

Хаим ВЕНГЕР

В Иерусалимском общинном доме состоялась презентация "Аннотации ивритской литературы". Огромная значимость уникальность этой книги состоит в том, что она является первым и очень серьезным собранием переведенных на русский язык произведений шестидесяти израильских прозаиков и поэтов, многие из которых вообще не были известны российским евреям, а также в том, что она издана в содружестве с Российским государственным гуманитарным университетом. Одним из составителей аннотации стала израильская поэтесса и исследователь-литератор Бар-Йосеф. Она же написала в качестве введения к аннотации пространную и содержательную обзорную статью по ивритской литературе за последние двести лет. Поэтому естественным было мое желание познакомиться с и нео самой, и с той грандиозной работой, в которой ее роль была ведущей.

Хамуталь родилась в кибуце еще до образования Государства Израиль. Она росла в среде, которую принято считать антирелигиозной. Но те, кто ее окружал, жили чрезвычайно насыщенной духовной жизнью. Родители Хамуталь прибыли в Эрец-Израиль с Украины в 1936 году, когда ее брату было шесть лет. Спустя четыре года родилась Хамуталь. Брат и сестра были необычайно близки друг другу, видимо, потому, что у них не было родительского очага в первичном понимании этого слова. Ведь кибуцные дети росли и воспитывались в яслях и садиках. И вот любимый ею, преданный ей брат погибает в войну за Независимость в неопытных восемнадцати лет. О масштабе потерь в той войне говорит тот факт, что менее чем пятидесятичный еврейский иешив лишился восемь тысяч молодых ребят. Так что для Хамуталь образование Государства Израиль было связано с тяжелыми переживаниями из-за потери брата. Впрочем; до начала пятидесятых годов все население Израиля представляло собой одну пребывающую в трауре семью.

В это трудное для каждого израильтянина и для всей страны время Хамуталь находила убежище и утешение в учебе. Она очень любила учиться, любила играть на пианино. Ей удалось окончить среднюю школу еще при犹太人, а это позволило поступить в Еврейский университет в Иерусалиме и защитить диплом в непривычно молодом для Израиля возрасте. В двадцать лет она получила первую степень и в том же году вышла замуж. Разочаровав родителей, возлагавших на dochь-ундеркинда большие надежды, Хамуталь отказалась от всех перспектив, которые сулило ей продолжение учебы. Ее стремление в столицу юном возрасте создать семью объяснялось

горьким для нее дефицитом близких родственников: бабушки и дедушки, почти все тети и дяди остались в Европе и погибли во время Катастрофы. К тому же Хамуталь руководила желание создать нормальную семью, такую, какой она сама была лишена. Семью, в которой много детей, а мама и папа соответствуют традиционному пониманию этих слов. Но Хамуталь выбрала неподходящего партнера для осуществления своего "проекта". Ее мужем стал известный драматург Иосеф Бар-Йосеф. Он был сыном писателя и происходил из семьи, десять поколений которой жили в стране.

До того, как они поженились, Иосеф поделился с нею своим представлением о совместной жизни: "Смотри, - сказал он, - в семьях наших родственников, живущих в Мес-Шареве, многие мужчины читают Тору, а их жены работают. И это не вызывает никаких нареканий. Мне непонятно, почему быть писателем менее важно, чем учить Тору". Хамуталь с ним согласилась. Она была горда тем, что смогла дать ему возможность заниматься творчеством, отдаваясь от домашних хлопот и материальных забот. Так началась семейная жизнь двадцатипятилетней Хамуталь и двадцатисемилетнего Иосефа. А когда ей исполнилось двадцать девять, у нее уже было четверо детей, уход за которыми тоже лежал на ней.

Казалось бы, Хамуталь создала ту семью, о которой мечтала в юности. Но возникли два обстоятельства, которые нанесли удар по кажущемуся благополучию. Во-первых, Хамуталь стала писать стихи, причем не для забавы, а на пополненном серебре. Она занималась этим и до замужества, но, видимо, тогда не придавала этому серьезного значения. Во-вторых, выяснилось, что она все же не подходит на роль Софии Андреевны - жены Льва Николаевича Толстого. Да и усадьбы, как у великого писателя, у них, увы, не было, а потому, чтобы обеспечить семью, она работала учительницей в школе, так как заработки мужа были весьма эпизодическими. В итоге их семейная жизнь дала трещину, хотя и продолжалась еще довольно долго - дети были маленькими и надо было их поднимать. Но вот дети подросли. К этому времени Хамуталь поняла, что ей надоело быть учительницей, что она хочет выразить себя в стихах, которые все больше и больше занимали ее мысли. Возникла ситуация, при которой она перестала чувствовать себя намерто привязанной к дому, стала общаться с близкими ей духовно людьми, писать стихи, литературо-ведические исследования. Один за другим выходят ее поэтические сборники, в которых она старается пове-

дать о том, как трудно выразить не дающие покоя мысли и чувства, как трудно быть понятой.

Хамуталь возвращается в университет, чтобы получить вторую степень. Затем работает в Министерстве просвещения - в отделе планирования учебного процесса по литературе. Заработки ее увеличились. И все же удовлетворения это не приносил. Хамуталь росла в окружении революционно мыслящих людей, считавших, что если ты не совершил пусты мальчикового, но все же переворота в сознании, то прожил жизнь впустую. Так что заниматься рутинной работой Хамуталь не могла, и вот она уже читает лекции начальника в Иерусалимском университете имени Бен-Гуриона в Беэр-Шеве.

Окончательный разрыв с мужем произошел после гибели прападшего сына. Для Хамуталь это роковое событие означало полное крушение семейной жизни, личного счастья.

Хотя Хамуталь любила свою работу, но морально-этический климат университета был ей не по душе. И тут улыбнулась удача: ее пригласили в Институт Хартмана, занимающийся исследованиями и образованием в области либерального иудаизма. Она стала читать лекции директорам и преподавателям нерелигиозных средних школ, стремящихся познакомить своих учеников с основами иудаизма. Лекции посыпались тому, как следует рассматривать современную ивритскую литературу с позиций иудаизма. Параллельно Хамуталь продолжает читать лекции в университете, пишет стихи (в 1998 году выходит ее шестой сборник), занимается литературоведческими исследованиями, последнее из которых посвящено модернистским мотивам в творчестве Бялика, Бердичевского и Бренера.

Более того, можно перейти к антологии.

- Как зародился ее замысел и как он осуществлялся?

- Все началось с учебного курса, который я вела пять лет назад в Москве в Российском государственном гуманитарном университете, созданном в 1991 году. Благодаря либеральности его руководства там была разработана программа, которая позволяла студентам исторического и филологического отделения специализироваться по иудаике, изучая в течение четырех-пяти лет иврит, идиш,

историю еврейского народа, ТАНАХ и Талмуд. Один из создателей этой программы в Московском университете пригласил меня прочитать курс по истории современной ивритской литературы за последние двести лет, на что я с радостью согласилась.

- Сколько студентов посещало ваш курс и какой процент от общего количества составляли евреи?

- На двух курсах, организованных для филологов, занималось тридцать-сорок человек. Среди них евреев, я думаю, было примерно 50 процентов.

- Насколько хорошо ваши студенты, изучая иудаику, знали жизнь современного Израиля?

- Чтобы ответить на этот вопрос, приведу такой пример. На одной из лекций по истории ивритской литературы возникла кибуцная девушка, которая спросила моих учеников, знают ли они, что такое кибуц, но только еще хуже". Да, кибуцы за последние годы очень изменились. Но и сейчас они опицетворяют собой все лучшее, что есть в нашей стране. До сих пор жизнь в кибуце наполнена высоким духовным смыслом. Возвращаясь к ивритской литературе, хочу подчеркнуть, что с самого начала я решила не только рассказать о ней своим студентам, но и дать им возможность эту литературу почитать. А для этого нужны были тексты, и, конечно же, не на иврите, а на русском. Значит, надо было искать переводы с иврите. До начала курса я отправилась на поиски этих переводов в Национальную библиотеку. Причем искала переводы, изданные и до, и после революции, и в наше время. В итоге я обнаружила, что таких изданий довольно много, но качество переводов я, увы, оценить не могла. Мой русский для этого недостаточно хорош. Впрочем, в то время меня этот вопрос не очень волновал - главным были сами переводы. Сделав ксерокопии, я разложила их в хронологическом порядке, получив импровизированное учебное пособие. Результат моих трудов очень понравился руководителю проекта, и он, сказал, что ничего подобного еще не видел, предложил мне подготовить для издания книгу, дающую представление об ивритской литературе в переводах на русский язык. Причем издание этой книги при нашем финансировании университет брал на себя. Отказаться от такого заманчивого, хотя и связанного с немалыми трудностями предложения, я не могла. Но теперь вполне встал вопрос о соавторе, для которого русский был родным языком и который бы прекрасно разбирался в литературе, так как в книге должны были войти только высококачественные переводы. Мне очень помог - Эзра Конельман согласилась участвовать в этой работе. Думаю, что в тот момент она не знала, какой каторжный труд на себя взяла. В противном случае она бы, наверное, отказалась.

ХАИМ ВЕНГЕР, израильский писатель, профессор Иерусалимского университета, автор аннотации ивритской литературы